

Неформальные связи в партийно-государственной бюрократии Югославии

Ю. В. Шахин

Для цитирования: Шахин Ю. В. Неформальные связи в партийно-государственной бюрократии Югославии // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2022. Т. 67. Вып. 3. С. 847–862. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2022.311>

В статье исследуются неформальные связи в среде югославской партийно-государственной бюрократии в 1945–1965 гг. с целью выявления их влияния на дезинтеграционные процессы в Югославии. Поскольку эти неформальные связи ранее не изучались, в статье впервые приводятся доказательства, что данный предмет исследования существует. В ходе исследования выявлен ряд присущих им характеристик. Взаимодействие по неофициальным каналам опиралось на прочные социокультурные предпосылки и играло значительную роль в жизни Югославии. Неформальные связи могли возникать на различной основе: боевой, служебной, родственной, дружеской почве, но в источниках наиболее полно представлены связи земляческого характера. Они выстраивались по вертикальному принципу в соответствии с существующим административно-территориальным делением и чаще всего использовались для достижения каких-то материальных выгод. До начала 1950-х гг. земляческие связи могли использоваться как в интересах центра, так и в интересах подчиненных ему регионов, но потом остался только второй вариант, поэтому они быстро стали основой для механизма лоббирования региональных интересов в центральных органах. Земляческие связи тесно переплетались с местничеством и партикуляризмом и подпитывались настроениями народных масс. Например, на выборах возникали трудности при выдвижении кандидатов неместного происхождения. В Югославии были политики, которые не шли на поводу у запросов своих земляков, но, по всей видимости, они не составляли большинства. С 1950-х гг. в Югославии наметилась тенденция к реорганизации органов управления таким образом, чтобы институционно включить в них земляческие связи. В частности, в государственных и партийных органах утвердился принцип пропорционального регионального представительства. Уже в начале 1960-х гг. это подорвало работоспособность центрального правительства. В какой мере этот результат был обусловлен давлением системы земляческих связей, а в какой мере другими факторами, еще предстоит выяснить, однако уже сейчас можно утверждать, что система неформальных связей стала одним из факторов дезинтеграции Югославии.

Ключевые слова: федеративная Югославия, партийно-государственная бюрократия, неформальные связи, земляческие связи, лоббирование интересов.

Юрий Владимирович Шахин — канд. ист. наук, доц., Севастопольский государственный университет, Российская Федерация, 299053, Севастополь, ул. Университетская, 33; YVShahin@sevsu.ru

Yurii V. Shakhin — PhD (History), Associate Professor, Sevastopol State University, 33, ul. Universitetskaya, Sevastopol, 299053, Russian Federation; YVShahin@sevsu.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

Informal Ties in Party-State Bureaucracy of Yugoslavia

Y. V. Shakhin

For citation: Shakhin Y. V. Informal Ties in Party-State Bureaucracy of Yugoslavia. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2022, vol. 67, issue 3, pp. 847–862. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2022.311> (In Russian)

The article investigates informal ties among the Yugoslav party-state bureaucracy in 1945–1965 in order to identify their influence on the disintegration processes in Yugoslavia. Interaction through unofficial channels was based on solid social-cultural preconditions and played a significant role in the life of the country. Informal ties could be formed due to military service or employment, family or friendship connections, but ties of compatriot character are most fully represented in the sources. They were lined up on a vertical basis in accordance with the existing administrative-territorial division and were predominately used to achieve some kind of material benefits. Until the early 1950s, compatriot ties could be used both in the interests of the center and subordinate regions, but afterwards only the latter option remained, so they quickly turned into a mechanism of lobbying regional interests in central bodies. Compatriot ties were closely intertwined with parochialism and particularism and fueled by the mood of the masses. For example, there were difficulties in nominating candidates of non-local origin during elections. There were politicians who did not follow the requests of their compatriots, but presumably they were in minority. Since the 1950s, there had been a tendency to institutionally include compatriot ties in the governing bodies, in particular, the principle of proportional regional representation had been established in state and party bodies. Already in the early 1960s this course undermined the efficiency of the central government. To which extent this result was determined by the role of compatriot ties system or other factors has yet to be researched, but it can be stated that the system of informal ties became one of the factors in the disintegration of Yugoslavia.

Keywords: federal Yugoslavia, party-state bureaucracy, informal ties, compatriot ties, lobbying interests.

В 1990-х гг. известный славист В. К. Волков выдвинул концепцию, согласно которой Югославию развалили сложившиеся в национальных республиках этнономенклатурные кланы¹. Из всех объяснений распада Югославии эта версия представляется наиболее привлекательной, поскольку находит социальное обоснование развития национализма и тем самым позволяет отойти от примордиалистских спекуляций об извечной несовместимости югославянских народов, а также хорошо согласуется с известными фактами. Однако специальных исследований по югославской номенклатуре или бюрократии и механизмам формирования ее клановых структур до сих пор не предпринималось, во всяком случае, на русском языке.

Связи в среде правящей бюрократии могут иметь как формальный (институциональный), так и неформальный характер, основанный на личных отношениях, не вытекающих из должностного положения. Хорватский социолог З. Леротич, называвший югославскую бюрократию политическим классом, отмечал, что он существует на фоне формализованных институтов власти на основе не видимых для обычных людей неформальных структур коммуникаций².

¹ Волков В. К.: 1) Трагедия Югославии // Новая и новейшая история. 1994. № 4. С. 3–32; 2) Этнономенклатура и распад государства: СССР и Югославия // Свободная мысль — XXI. 2000. № 9. С. 57–73; № 10. С. 13–24.

² Lerotić Z. Jugoslavenska politička klasa i federalizam. Zagreb, 1989. S. 116.

Цель статьи — исследовать неформальные связи в среде югославской партийно-государственной бюрократии первых двух десятилетий существования югославской федерации. Хронологические рамки исследования охватывают промежуток с середины 1940-х до середины 1960-х гг. В 1945–1946 гг. Югославия конституировалась как федерация, тогда возникли основные институты новой политической системы, где мы и пытаемся выявить связи неформального характера. Верхний хронологический рубеж обусловлен тем, что со второй половины 1960-х гг. начался новый этап социально-политической истории Югославии, когда ранее скрытые и малозаметные центробежные процессы стали активно проявлять себя в общественной жизни. В ряде предшествующих исследований автор уже пытался выявить их причины и предпосылки, и обращение к неформальным связям является продолжением этих усилий.

В методическом плане основой для такой работы может послужить исследование Дж. Истера о неформальных связях в среде провинциальных партийных лидеров СССР 1920–1930-х гг. Истер предложил разделять источники власти в СССР на формальные (официальные) и неформальные (неофициальные). К первым относятся силовые и бюрократические органы, а ко вторым — системы личных взаимоотношений и самосознание политических элит. В частности, он выделил такие системы в среде провинциальных партийных руководителей, сплотившихся и выдвинувшихся в период Гражданской войны. Они приобретали выраженный вертикальный характер, когда их лидеры переходили на работу в центральные органы. Центральный аппарат пытался их использовать, чтобы укреплять управление территориями, но эти же системы личных связей ограничивали произвол центральных бюрократических органов, т. е. были амбивалентны. Способность центральных органов управлять периферией зависела от региональных руководителей и систем их личных связей, а те проявляли свои амбиции, требуя расширения свободы действий в решении внутренних вопросов и распределении ограниченных ресурсов³. Эти наблюдения было бы любопытно применить к дезинтеграционным процессам в Югославии.

Поскольку официальные институты и механизмы власти в Югославии неоднократно становились объектом изучения югославских, сербских, советских и российских исследователей, автор настоящей статьи не обращался к анализу содержания конституционно-правовых норм, официальных источников власти, попыток преодоления представительной демократии через механизмы самоуправления и тому подобных аспектов. Являясь частью объекта исследования, они не входят в его предмет. Предмет исследования в данной статье — неформальные связи, а официальные институты выступают по отношению к ним лишь как внешняя рамка. Исследование неформальных связей не подменяет историю партийно-государственных учреждений Югославии, а дополняет ее.

Подобно Гражданской войне в России, Народно-освободительная война в Югославии стала социальным лифтом, выдвинувшим к власти массу новых людей, совместно сражавшихся в партизанских отрядах и самостоятельно освободивших большую часть своей страны от оккупантов. Четыре года кровопролитной борьбы в тяжелейших условиях должны были породить у них чувство боевого брат-

³ Истер Дж. М. Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М., 2010. С. 13, 27, 29–30, 32.

ства. Однако, в отличие от Истера, нам почти не удалось проследить его влияние в кадровой политике послевоенного времени и вскрыть опиравшиеся на него неформальные отношения. Единственный факт подобного рода — это наблюдение Д. Чкребича по поводу различия карьерных судеб ведущих сербских политиков. Чкребиц делит их на две группы: первые в конце 1941 г. ушли в Боснию и триумфально вернулись в Сербию во главе частей Народно-освободительной армии, а вторые провели 1942–1944 гг. в партизанских отрядах на территории Сербии. После войны первые в основном осуществляли высокие функции в Федерации, а вторые в основном управляли Сербией. «Позднее на эти должности будут приходить молодые, и это разделение пропадет, а нетерпимость и взаимная личная неприязнь переместятся в Совет Федерации, Союзный клуб депутатов на Дединье или же в досуг пенсионеров и прогулки по паркам»⁴. Следы подобного деления Чкребиц усматривает и в дипломатической службе. Однако он подчеркивает, что ему неясно, было ли это разделение случайным или преднамеренным.

У членов партии с военным и довоенным стажем встречалось также представление, что прием в партию порождает у нового члена некоторые обязательства перед тем, кто его принял, так же как и при выдвижении на должность⁵. Впрочем, оценить меру воздействия этих представлений на развитие систем личных связей доступные нам материалы не позволяют. Зато мы обнаружили в югославском обществе другой тип неформальных отношений, не ведомый Истеру, который предлагаем обозначить как земляческие связи.

Для возникновения земляческих связей в Югославии существовали социокультурные предпосылки. Урбанизация и капиталистическое развитие к середине 1940-х гг. еще не сломали традиционный деревенский быт югославян со свойственным ему партикуляризмом и клановостью. Достаточно вспомнить знаменитые черногорские племена. Принадлежность к племени оказывала влияние на политическое поведение его членов. Например, в 1951 г. в одном из сел Воеводины была раскрыта значительная (около 20 чел.) группа информбюровцев — сторонников СССР в советско-югославском конфликте. Почти всю ее составляли черногорцы из племени Братоножичи, попавшие в Воеводину в результате аграрной реформы⁶. Известный сербский историк П. Маркович указывает на пережитки клановости в поведении некоторых сербских политиков черногорского происхождения даже в начале XXI в.⁷ Что уж говорить о королевской Югославии! Политолог Т. Кулич отмечает, что югославские политики межвоенного периода в погоне за властью и обогащением опирались среди прочего на nepoтизм. Он также напоминает известный факт, что в ходе Народно-освободительной войны Коммунистическая партия Югославии массово вовлекла в свои ряды крестьянство, которое после победы заполнило органы управления своими представителями и привнесло туда свойственный ему менталитет⁸. Известный югославский историк Б. Петранович указывает, что во второй половине 1940-х гг. на сознание руководителей — выход-

⁴ Чкребић Д. Поглед искоса: људи, судбине, коментари. Београд, 2009. С. 132.

⁵ Ibid. С. 217; Glišić V. Susreti i razgovori: prilozi za biografiju Petra Stambolića. Београд, 2010. С. 109.

⁶ Zapisnik vođen na sastanku biroa SK-a KPS, Novi Sad, održanog 29.VI. 1951. godine // Архив Војводине. Ф. 334. П. 2145. Л. 2–3.

⁷ Марковић П. Ј. Историјске (не)прилике. Искуства прошлости у тумачењу садашњости. Београд, 2018. С. 258.

⁸ Kuljić T. Tito: sociološkoistorijska studija. Београд, 1998. С. 28, 182.

цев из крестьян влияли «племенные, областные, общинно-региональные представления, связи и ограниченность»⁹.

О широком распространении земляческих связей в федеративной Югославии свидетельствует историк В. Глишич, излагающий свои впечатления от общения с влиятельным партийным лидером Петром Стамболичем. Стамболич, как и многие современные ему политики, был выходцем из деревни. На малой родине его не любили, потому что он для нее ничего не делал, хотя и был значительной фигурой. В результате Иваница, Арилье и их окрестности в Западной Сербии длительное время оставались без промышленности и нормальных дорог. Стамболич сознательно придерживался такого поведения: чтобы не выбивать средства для земляков, он всегда баллотировался в депутаты по другим округам. По этой же причине он уклонялся от статуса почетного гражданина, который ему предлагали многие города Сербии. Исключение Стамболич сделал только для города Пирота, который, по его словам, не имел в центре влиятельных покровителей¹⁰. Как видно из этого яркого примера, земляческие связи предполагали лоббирование материальных интересов определенного региона, но наше исследование показало, что это не всегда было так.

Как указывают мемуарные свидетельства, среди влиятельных политиков из Сербии поведению Стамболича подражали М. Минич и М. Тодорович¹¹. В то же время забота высокопоставленных функционеров о своих регионах была в Сербии широко распространена. К примеру, Д. Петрович-Шане постоянно вмешивался в политическую жизнь и кадровые вопросы своей родной Шумадии и особенно Крагуеваца, Д. Маркович опекал районы, где он провел партизанские годы, в частности Младеновац, генерал Н. Любичич постоянно интересовался вопросами развития своего родного ужицкого края и поддерживал инициативы земляков¹².

Пытаясь выявить конкретные случаи функционирования земляческих связей в югославском обществе, мы вынуждены были опираться на источники официального происхождения как наиболее доступные. Их изучение показало, что земляческие и иные неофициальные отношения отражались там при особых условиях: вследствие конфликта, проблемы или скандала. Именно тогда среди формализованных связей партийно-государственной бюрократии давали о себе знать неформальные отношения.

По числу выявленных случаев применения земляческих связей на данном этапе исследования абсолютное лидерство удерживают представители Словении. Следует специально отметить, что никаких выводов на этом основании делать нельзя — это не результат случайной выборки. Во-первых, за исключением Хорватии и Словении, протоколы заседаний партийных органов других республик не опубликованы, и автор с ними не работал. Во-вторых, в 1946–1952 гг. Хозяйственный Совет Югославии возглавлял выходец из Словении, в его контактах с представителями остальных пяти республик за все эти годы земляческие связи проследить объективно невозможно. В-третьих, самый высокопоставленный уроженец Хорватии И. Броз Тито в те же годы держался от всех республик равноудаленно

⁹ Zapisnici sa sednica Politbira Centralnog komiteta KPJ (11. jun 1945 — 7. jul 1948). Beograd, 1995. S. 60.

¹⁰ Чкребић Д. Поглед искоса. С. 45, 68; Glišić V. Susreti i razgovori. S. 8, 30–31, 36.

¹¹ Чкребић Д. Поглед искоса. С. 97, 130–131, 307.

¹² Ibid. С. 130–31, 227, 288; Glišić V. Susreti i razgovori. S. 133.

и ни в чем не выделял Хорватию¹³. Хотя земляки постоянно пытались его ангажировать, Тито и в 1960-х гг. оставался беспристрастным¹⁴. Позиция Тито снижает значение хорватских протоколов как источника по данной проблеме. В-четвертых, приведенные выше сведения о сербских политиках носят изначально обобщающий характер, источники не содержат конкретных примеров, указывая лишь на типичность такого поведения.

Земляческие связи в первую очередь обнаруживаются в отношениях центра и республик. Они проявляют себя с момента создания югославской федерации. Протокол заседания Политбюро ЦК Коммунистической партии Хорватии от 25 августа 1945 г. содержит поражающие непосредственностью рассуждения об использовании высокопоставленных земляков. Член Политбюро Р. Жигич говорит: «Нужно дать товарищей хозяйственных специалистов в Белград, которые там будут заботиться о потребностях федеральной [единицы] Хорватии». Его мысль развивает В. Крстулович: «В Белграде все четыре министра из Хорватии мало уделяют внимания Хорватии», — и тут же противопоставляет им деловую хватку словенцев¹⁵. Таким образом, партийные руководители Хорватии хотели направить в союзное правительство своих агентов, которые будут заботиться не об интересах федерации как целого, а об интересах родной республики.

Выходцы из республик, занимающие важные должности в союзной власти, поддерживали с малой родиной связи, но они далеко не всегда функционировали как канал лоббирования республиканских интересов. Пока в начале 1950-х гг. не началась децентрализация, этот канал часто использовался в обратном порядке — для давления союзного центра на республики. Таких примеров достаточно много. В конце 1949 г. Хозяйственный Совет Югославии использует М. Джиласа и М. Поповича, чтобы принудить Черногорию к сокращению расходов на администрацию. Если Попович имел отношение к финансовой деятельности, будучи министром внешней торговли, то Джилас — никакого, ибо возглавлял Агитпроп ЦК КПЮ, но зато он был самым влиятельным черногорцем в руководстве страны. Осенью 1949 г. Б. Кидрич, председатель Хозяйственного Совета Югославии, лично давит на свою родную Словению, чтобы она выполнила поставки для армии и транспортировала хлопковую пряжу в Сербию и Хорватию. В начале 1950 г. Кидрич отчаялся добиться от Сербии 2 тыс. рабочих для рудника в Боре и обратился за помощью к Э. Карделю и А. Ранковичу. Ранкович, как и Кардель, к снабжению рабочей силой никакого отношения не имел, зато был самым влиятельным выходцем из Сербии в руководстве Югославии. Вместе с Карделем он легко мог надавить на республику по партийной линии¹⁶. По-видимому, эта практика была настолько распространена, что Хозяйственный Совет порой сразу добивался от республиканских чиновников желаемого после угроз обратиться к ответственным товарищам из ЦК КПЮ¹⁷.

Кидрич во второй половине 1940-х гг. регулярно оказывал давление на своих земляков из ЦК Коммунистической партии Словении в целях укрепления центра-

¹³ *Kuljić T.* Tito: sociološkoistorijska studija. S. 193.

¹⁴ *Glišić V.* Susreti i razgovori. S. 85.

¹⁵ *Zapisnici Politbiroa Centralnog komiteta Komunističke partije Hrvatske.* Sv. 1. Zagreb, 2005. S. 96.

¹⁶ *Privredna politika Vlade FNRJ. Zapisnici Privrednog saveta Vlade FNRJ: 1944–1953.* Knj. 2. Beograd, 1995. S. 41, 630, 704.

¹⁷ *Ibid.* S. 241–243, 252.

лизма и пресечения их чрезмерных материальных претензий ко всей Югославии. Так он поступил в ноябре 1948 г. на II съезде КПС, в апреле 1949 г. на II пленуме ЦК КПС, в декабре 1949 г. на внеочередном заседании исполкома Освободительного фронта. В январе 1950 г. выяснилось, что Словения не хочет направлять инженерные кадры для Института электросвязи, и Кидрич принял деятельное участие в борьбе за их перераспределение¹⁸. Аналогично вел себя еще один высокопоставленный словенец, член ЦК КПЮ Э. Кардель (с учетом его политических, родственных и дружеских связей с руководством Словении к нему вполне можно применить термин Истера «лидер системы личных отношений»). В третьем квартале 1947 г. Кардель требовал от Политбюро ЦК КПС интенсивно использовать сельхозресурсы республики и не надеяться на поставки из других республик¹⁹. В марте 1951 г. он требовал от руководства Словении предоставить врачей для других республик²⁰. При этом Кардель в те годы был министром иностранных дел и не отвечал за распределение специалистов.

Кидрич, используя земляческие связи, слыл безоговорочным централистом, в то время как Кардель был не столь категоричен. По наблюдениям Джиласа, Кардель в те годы неизменно критиковал словенцев, но в конечном счете всегда их поддерживал²¹. Это различие в поведении Кидрича и Карделя наглядно иллюстрирует один из случаев того времени, когда была предпринята попытка использовать земляческие связи в интересах республики, а не центра.

В марте 1948 г. в городке Сежане в Словении произошел потребительский бунт. Народ, недовольный распределением карточек, избил местных чиновников и заставил раздавать товары без них. Глава правительства Словении М. Маринко пожаловался Карделю, что Словении нужно больше карточек, и во всем виновато союзное Министерство снабжения и торговли, которое выделило их недостаточно. С помощью этой жалобы Маринко хотел получить для Словении дополнительное количество карточек и снять с республиканского руководства политическую ответственность за инцидент. Кардель за вопросы снабжения не отвечал, но поддержал версию Маринко и предъявил претензии союзному министру. Тот свою вину отрицал. Тогда в дело вмешался Кидрич и выяснил, что ошибку в распределении карточек допустил не союзный, а словенский министр торговли²².

Впрочем, и Кидрич лоббировал интересы родной республики, когда находил их обоснованными. В начале 1950 г., когда союзное правительство осуществляло жесткое сокращение капиталовложений, руководители Словении и Хорватии подали встречные предложения, чтобы спасти некоторые инвестиционные проекты. 28 февраля состоялось их обсуждение на Хозяйственном Совете. Кидрич посчитал требования словенского правительства справедливыми, но часть из них удовлет-

¹⁸ *Kidrič B. Sabrana dela. Knj. 5. Beograd, 1985. S. 281, 537–538, 540, 548, 549; Ibid. Knj. 6. S. 33; Privredna politika Vlade FNRJ. Knj. 3. S. 58.*

¹⁹ *Drnovšek D. Srečanja partijskih vrhov na najvišjem nivoju. Zapisi srečanj slovenskega partijskega vodstva z jugoslovanskim partijskim vodstvom s Titom na čelu v letih 1945–1954 // Arhivi. 2003. № 1. S. 196.*

²⁰ *Zapisnici Politbiroa Centralnog komiteta Komunističke partije Hrvatske. Sv. 2. Zagreb, 2006. S. 695.*

²¹ *Kuljić T. Tito: sociološkoistorijska studija. S. 193.*

²² *Ђорђевић М. Седам левих година. Београд, 2000. С. 195–196; Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Т. 3. Beograd, 1984. S. 235, 237.*

ворить не мог, поэтому взялся обсудить этот вопрос с самим Тито. Уже 1 марта требования Словении и Хорватии были удовлетворены²³.

Использование земляческих связей осуществлялось и на более низком уровне. Выше мы разбирали случаи их использования во взаимоотношениях федерации и республик, но аналогичные явления наблюдались в отношениях руководителей республик с регионами. 30 мая 1949 г. Политбюро ЦК КПЮ обсуждало положение дел в повстанческих краях Хорватии, населенных преимущественно сербами. Чтобы улучшить ситуацию на местах, министр внутренних дел Хорватии И. Крайчич предложил поставить туда в качестве руководителей людей со стороны, но при этом выходцев из этих краев²⁴. Лоббирование их интересов в дальнейшем сыграло роковую роль в судьбе высокопоставленного хорватского руководителя Р. Жигича. Судя по документам, это был принципиальный и при этом прямолинейный деятель. По происхождению он серб из Лики, одного из крупных повстанческих краев. На заседаниях Политбюро ЦК КПХ летом 1950 г. он неоднократно высказывал недовольство, что его родной край получает недостаточную материальную поддержку, хотя тяжело пострадал в годы войны. Жигич препятствовал проведению хлебозаготовок, когда выяснилось, что в Лике неурожай²⁵. В конечном итоге его откровенный лоббизм стал одним из оснований для расправы — он был объявлен информбюровцем и отправлен в лагерь на Голом острове, где и погиб. Следы лоббизма Лики влиятельными земляками отмечаются и позднее. В 1964 г. стало известно, что союзные кадры, происходящие из Лики, считали, что хорватское руководство пренебрегает интересами сербских территорий в Хорватии²⁶.

В начале 1950-х гг. в Югославии развернулась политика децентрализации и развития рыночных механизмов. Она привела к ослаблению государственного управления производством и регулирования торговли, а также к усилению хозяйственной самостоятельности предприятий. С этого времени неформальные связи начали функционировать исключительно в одном направлении. После 1951 г. в ходе исследования не выявлено ни одного случая, когда бы они использовались для лоббирования интересов центра. Отныне они работали исключительно как инструмент отстаивания местных интересов. Этой перемене способствовала кадровая политика в 1950–1952 гг. В связи с резким сокращением численности центральных партийных и государственных учреждений несколько десятков тысяч человек были переведены из центра на периферию. Оказавшись на новом месте, они сохранили связи с руководителями, оставшимися в центральном аппарате.

Эту закономерность иллюстрирует очень показательный пример. В начале 1954 г. на выборах в Сабор — представительный орган власти — в хорватском котаре Войнич победил альтернативный кандидат Бранко Новакович. В том же году при пересмотре бюджета котару Войнич пообещали 51 млн динаров, но на самом деле выделили 21 млн. Эта неудача оживила политических противников Новаковича — проигравшего официального кандидата Милутина Кошарича, возглавлявшего

²³ Privredna politika Vlade FNRJ. Knj. 3. S. 129–131.

²⁴ Zapisnik sa sednice Politbiroa CK KPJ 30 maja 1949. godine // Архив Југославије. Ф. 507/III. П. 41. S. 30.

²⁵ Zapisnici Politbiroa Centralnog komiteta Komunističke partije Hrvatske. Sv. 2. S. 415, 448–450, 456, 460.

²⁶ Mujadžević D. Bakarić. Politička biografija. Slavonski Brod, Zagreb, 2011. S. 245.

го котарский народный комитет, и секретаря котарского парткома Божо Ркмана. Они упрекали Новаковича в том, что он не может ничего добиться. Ркман объяснил ему, как надо делать: «Ты идешь к чиновникам, вот поэтому не можешь ничего получить. А я был у товарища Звонко Бркича, и у него есть понимание наших потребностей, вот мы и получали нужные средства»²⁷. Метод Ркмана предполагал обращение в республиканский ЦК через голову правительственных чиновников, поскольку Звонко Бркич был членом Политбюро ЦК КПХ, а с 1953 г. членом исполкома ЦК СКХ.

Неформальные связи Ркмана и Бркича нельзя подвести ни под классификацию земляческих, ни под классификацию боевых — они возникли на деловой основе. Бркич родился далеко от Войнич — под Славонским Бродом — и места его боевого пути в годы Народно-освободительной войны связаны в основном со Славонией. Зато есть два других обстоятельства. Во-первых, Бркич начиная с февраля 1950 г. отвечал в хорватском партийном руководстве за кадровую политику и ведал номенклатурой ЦК КПХ²⁸, а во-вторых, Ркман и Бркич одновременно были министрами хорватского правительства с сентября 1950 по апрель 1951 г. Потом их служебные карьеры разошлись. Бркич остался в Загребе как член Политбюро ЦК КПХ, а Ркмана процесс децентрализации забросил на периферию. В июне 1951 г. он возглавил народный комитет Карловацкой области, но в связи с ликвидацией областей продержался там недолго, и уже в феврале 1952 г. мы находим его в составе котарского партийного комитета Войнич²⁹. Однако влияние в Загребе Ркман сохранил: был избран в руководящие органы ветеранской организации и Социалистического союза трудового народа Хорватии. Таким образом, неформальные связи Ркмана и Бркича имели исключительно номенклатурное происхождение. На основе данных о служебной карьере Ркмана можно даже определить временной интервал, когда он обращался к Бркичу по вопросам котара Войнич, а именно — 1952–1953 гг.

Котар Войнич дает нам еще один пример, в котором использование именно земляческих связей в интересах малой родины не вызывает сомнений. «Кошарич как председатель котара однажды повел кампанию за перенос центра котара в Крняк, где находится его родная община. Это натолкнулось на объединенное сопротивление войничан и всех сел из этой части котара»³⁰. В источнике это событие не имеет датировки, но из общего контекста можно определить, что оно состоялось в 1954 г.

В 1956 г. к 150-летию сербского комедиографа Ёвана Стерии Поповича партийное руководство Воеводины организовало в Новом Саде фестиваль югославской драмы. На этапе подготовки власти Вршаца, родного города Стерии, попытались перенести фестиваль на свою территорию. Для этого городское руководство задействовало земляческие связи в лице Исы Ёвановича. Последний родился в селе Избиште под Вршцем и к середине 1950-х гг. был довольно влиятельным человеком в политическом руководстве Сербии. Он носил звание народного героя, был чле-

²⁷ Zapisnici Izvršnog komiteta Centralnog komiteta Saveza komunista Hrvatske. Sv. 4. Zagreb, 2010. S. 153.

²⁸ Zapisnici Politbiroa Centralnog komiteta Komunističke partije Hrvatske. Sv. 2. S. 303, 315.

²⁹ Ibid. S. 495, 734, 774, 939.

³⁰ Zapisnici Izvršnog komiteta Centralnog komiteta Saveza komunista Hrvatske. Sv. 4. S. 153.

ном ЦК СКЮ, входил в руководство ветеранских организаций и социалистических союзов Сербии и Югославии. Разумеется, к театральному искусству и управлению культурой он не имел отношения. Эта протекция Вршцу не помогла — в городе отсутствовали необходимые для фестиваля помещения, зато инициатору фестиваля С. Дороньскому потом пришлось оправдываться, почему столь значительное мероприятие прошло в Новом Саде, а не в Белграде³¹.

В январе 1958 г. в словенском городе Трбовле произошла крупная забастовка шахтеров. Это событие стало предметом пристального разбирательства в исполкоме ЦК СКЮ, благодаря чему в источниках отразились сведения о земляческих связях. Шахтеров не устраивали установленные государством цены на уголь, и сначала они пытались повлиять на ситуацию путем переговоров в Белграде. Делегация шахты в Трбовле перед забастовкой дважды посетила в Белграде М. Брецеля, по одному разу М. Тодоровича и Л. Шентьюрца³². Из этих людей только Тодорович имел прямое отношение к регулированию цен, а Брецель и Шентьюрц были просто влиятельными словенцами, работающими в столице, и депутатами Союзной Скупщины. Особенно высок был статус Шентьюрца: в начале 1958 г. она была заместителем председателя Союзной Скупщины, членом организационного секретариата ЦК СКЮ, да еще и женой С. Крайгера, члена ЦК СКЮ и директора Союзного управления планирования, который точно мог повлиять на цены. В связи с этим Кардель отметил, что в Словении существует проблема нездорового деления словенских кадров на так называемых белградских коммунистов (Сергей Крайгер, Матьян Брецель) и местных (внутренних) коммунистов³³.

Еще один пример лоббирования через земляческие связи дает Хорватия. В данном случае попытка не удалась, но примечателен ее механизм. На расширенном заседании исполкома ЦК СКЮ в марте 1962 г. влиятельный член ЦК СКЮ первый секретарь ЦК СКХ В. Бакарнич рассказал следующую историю, которая произошла в 1961 или в начале 1962 г. В Хорватии республиканское исполнительное вече потребовало поддержки ЦК во время одного из межреспубликанских конфликтов, вызванных борьбой за перераспределение ресурсов. Республиканский ЦК отказал, чтобы не политизировать разногласия. После этого представители ряда предприятий начали уговаривать Бакарничу, чтобы он сам взялся отстаивать их интересы. Они решили, что в правительстве их не понимают, и стали искать поддержки у первого секретаря ЦК³⁴. О своей реакции на этот маневр Бакарнич не рассказывает.

Если Бакарничу хватило выдержки, то его коллега по ЦК СКЮ С. Вукманович-Темпо в 1964 г. не смог удержаться и проявил себя как яростный лоббист своей родной Черногории. Впрочем, он пытался защитить себя от возможных упреков тем, что действует из экономических соображений³⁵. На заседании исполкома ЦК СКЮ 6–7 июля 1964 г. в очередной раз обсуждался вопрос переброски рек в Черногорию, и намечалось решение не в ее пользу, тогда Вукманович и вспылал, защищая

³¹ Končar R., Boarov D. Stevan Doronjski: odbrana autonomije Vojvodine. Novi Sad, 2011. S. 197–198.

³² Dokumenti o rudarski stavki v Zasavju leta 1958. Ljubljana, 2007. S. 146.

³³ Ibid. S. 88.

³⁴ Početak kraja SFRJ. Stenogram i drugi prateći dokumenti proširene sednice Izvršnog komiteta CK SKJ održane od 14 do 18 marta 1962. godine. Beograd, 1998. S. 244.

³⁵ Zapisnik sa sednice IK CK SKJ od 6 i 7 jula 1964. godine u Beogradu // Архив Југославије. Ф. 507/ III. П. 102. S. 5, 6, 9, 10, 12.

интересы своей малой родины. Разумеется, этот вопрос находился вне сферы его полномочий, потому что в то время он возглавлял Союз профсоюзов Югославии.

Земляческие связи использовались не только для достижения материальной выгоды. Чтобы сорвать дальнейшую централизацию Культурно-просветительского веча Югославии в 1960 г., Словенский союз свободных искусств и просветительских обществ заручился поддержкой М. Вилфан, которая поставила вопрос на заседании комиссии по идейно-воспитательной работе Союзного комитета Социалистического союза трудового народа Югославии (ССТНЮ) и добилась там поддержки, а комиссия дала указания руководству Культурно-просветительского веча Югославии³⁶. У Вилфан были связи в руководстве ССТНЮ: она входила в руководство Союза с 1953 г. С 1958 г. она была депутатом Союзной Скупщины и председателем комиссии по идеологическим вопросам Главного комитета ССТН Словении. Как председатель республиканской комиссии, она участвовала в работе центральных органов ССТНЮ. Однако за централизацию общественных объединений Вилфан не отвечала, эту работу координировала Комиссия общественных организаций.

Практика лоббирования интересов территориальных органов и предприятий приняла во второй половине 1950-х гг. массовый характер. О том, что это определяет поведение республик в отношении федерации, неоднократно говорил Кардель³⁷. В 1966 г. он заметил: «Договориться с “товарищами сверху” о поддержке финансирования того или иного объекта — это уже становится нормальным способом мышления»³⁸. Для достижения подобных договоренностей использовались не только знакомства, но и взаимная выгода. Кардель в 1958 г. отмечал: «Факт, что например, сегодня кто-либо в Союзном исполнительном вече не может дать никому ни малейшего подарка из какого-нибудь фонда представительства, а по нашим заводам, народным комитетам и республиканским исполнительным вечам это часто происходит с довольно широким размахом»³⁹. Данное заявление не следует расценивать как жалобу, указывающую на тотальное распространение коррупции. Синхронные данные прокуратуры свидетельствуют о сокращении числа экономических преступлений во второй половине 1950-х гг.⁴⁰

Повседневную практику лоббирования местных интересов при участии высокого начальства в несколько шаржированном виде со слов Стамболича описал историк В. Глишич: «В его время [было так.] Отправляется руководитель партии на места, чтобы провести какую-то встречу, и после всестороннего рассмотрения проблемы на месте всегда обнаруживается, что нужно что-то решить в Исполнительном вече или банке, и если бы все это решилось, то было бы хорошо и для ру-

³⁶ Gabrič A. Socialistična kulturna revolucija: slovenska kulturna politika 1953–1962. Ljubljana, 1995. S. 342.

³⁷ Stenografske beleške sa proširene sednice IK CK SKJ održane 6 februara 1958. godine u Beogradu // Архив Југославије. Ф. 507/III. П. 75. С. 56; Stenografske beleške sa proširene sednice IK CK SKJ održane 22 novembra 1961. godine u Beogradu // Архив Југославије. Ф. 507/III. П. 87. С. 12, 13, 30, 32; Prilog 1. Neka načelna pitanja za prednact novog ustava FNRJ. Beograd, novembar 1961. // Архив Југославије. Ф. 507/III. П. 87. С. 58.

³⁸ Kardelj E. Izbor iz dela. Knj. I. Beograd, 1979. S. 233.

³⁹ Stenografske beleške sa proširene sednice IK CK SKJ održane 6 februara 1958. godine u Beogradu // Архив Југославије. Ф. 507/III. П. 75. С. 53.

⁴⁰ Zabeleška o prijemu javnih tužilaca kod potpredsebnika SIVa A. Rankovića, dana 28.IV.1959 godine. 1.VII.1959. // Ibid. Ф. 507/V. К. XIV. П. 4. Л. 1.

ководителя и для региона, который он обследует. Когда этот товарищ возвращается с мест, он начинает звонить, используя авторитет своей политической должности, туда, где находятся средства и где по ним принимают решения. Наиболее типичным представителем такого рода руководителей был Петр Костиц, заместитель председателя Исполнительного веча Сербии. С другой стороны, товарищи из провинции приезжали с похожими проблемами в Белград к ведущим политическим деятелям, требуя от них инвестиций. Так же [действовали] и народные депутаты из провинций, которые прибывали на заседание Скупщины, сбегали с заседаний и мчались в министерства и банки»⁴¹.

Благодаря такой практике возникло опасное явление — лоббизм, осуществляемый через сеть неформальных связей, в 1950-е гг. начал тяготеть к институциональному оформлению. В политической практике постепенно утверждался принцип, что каждая территория должна иметь своего представителя на стоящем непосредственно над ней административном уровне. Такое давление исходило извне партийно-государственного аппарата и отчетливо обнаруживается в так называемых явлениях партикуляризма и местничества, когда избиратели хотели видеть депутатом выходца из своей среды.

Уже на выборах 1953 г. в Союзную Скупщину в нескольких округах были выдвинуты альтернативные кандидаты. Так, в Хорватии на полуострове Истрия выборы выиграл Любо Дрндич. С регионом его связывало участие в партизанском движении, и во время предвыборной агитации он среди прочего использовал эту карту («к старым истрийским борцам применяется дискриминация», «Истрия в Народной Скупщине должна иметь группу хороших депутатов», «об Истрии не заботятся, не знают специфических проблем Истрии») ⁴². На выборах 1958 г. стремление иметь наверху своего человека описал обобщенно для всей Югославии сам И. Броз Тито: «Здесь было это местное, это болезненное местничество: “Почему не из моего среза, почему не из моего села? Почему прибыл с другой стороны?” и т. д. Среди этих товарищей из других краев были всегда способные люди, которые известны как первоборцы (участники Народно-освободительной войны с лета 1941 г. — Ю. III.) и хорошие работники, но все-таки были такие нарекания и это болезненное местничество, которому не следовало бы быть в нашей общественной жизни. Это случалось не так часто, но все-таки были такие явления» ⁴³.

В конце мая 1963 г. на выборах в новую Союзную Скупщину ситуация повторилась: были проблемы с выдвижением кандидатов, не живущих в округах, где они решили баллотироваться. В служебном документе, подготовленном по этому поводу для Тито, сказано, что партикуляризм выражен во всех республиках. Например, во многих избирательных единицах Шибеника в селах говорили, «как будет смотреть народ, который участвовал в народно-освободительной борьбе, на то, что сейчас у них нет членов [народных] комитетов... он не пойдет на выборы». Суть партикуляризма в дальнейшем изложении сводится к тому, что наверху нужно иметь

⁴¹ *Glišić V. Susreti i razgovori. S. 133.*

⁴² *Zapisi i Izvršnog komiteta Centralnog komiteta Saveza komunista Hrvatske. Sv. 4. S. 143, 145, 148.*

⁴³ *Broz Tito J. Govori i članci. Knj. XIII. Zagreb, 1960. S. 50.*

своего человека, который бы защищал местные интересы и сам был из местных⁴⁴. Во втором документе, подготовленном по этой же проблеме для президента Югославии, уточняется: «Партикуляристские тенденции при выдвижении кандидатов выражены почти во всех республиках (“хотим человека из нашего села, предприятия” и т. п.). В этом проявлялись, помимо наивных, и деструктивные, и тенденциозные намерения. Стремление к “своему представителю” часто направлялось и по адресу кандидатов в депутаты»⁴⁵. Таким образом, источник связывает партикуляризм со стремлением лоббировать местные интересы через выдвижение своего человека во власть. Теоретически он мог быть своим в двух случаях: в силу общности территориального происхождения и в силу карьерного пути, связавшего его с данной местностью. Оба варианта партикуляризма опираются на неформальные связи, но если в первом случае они являются земляческими, то во втором — нет.

До начала политики демократизации правящая партия рассматривала взгляды, отличные от партийной линии, исключительно как проблему, которую нужно преодолеть, а с 1950 г. начала в определенной мере прислушиваться к мнению граждан. Партикуляристское давление, призванное обеспечить вертикальные земляческие связи, начало отражаться на подборе кандидатов в депутаты. В Словении уже в 1950 г. на выборах в Республиканскую Скупщину Политбюро ЦК КПС выделило местных и не местных кандидатов⁴⁶. В Хорватии особенно зорко следили за территориальным представительством. Еще в 1949–1950 гг. Политбюро ЦК КПХ начало заботиться о том, чтобы все крупные населенные пункты имели своего представителя в органе власти, которому они подотчетны⁴⁷. В частности, выяснилось, что в парткоме Рибеки нет ни одного представителя территории Сушака, а в котарском парткоме Огулина нет выходцев из главного города котара, и Политбюро посчитало нужным это исправить. Аналогичным образом оно поступало уже после своего переименования в исполком ЦК СКХ. Например, в списках депутатов, распределяемых по органам Сабора, напротив каждого человека указывалось, откуда он. Таким образом, Исполком ЦК СКХ и в декабре 1953 г. следил за территориальным представительством⁴⁸.

С 1953 г. при формировании республиканских и союзных представительных органов начала частично использоваться делегатская система, тогда же в их работе впервые стали применяться различные региональные и национальные квоты. Статья 27 Конституционного закона 1953 г. уже содержит принцип делегирования депутатов в Союзную Скупщину всеми субъектами федерации⁴⁹. При подготовке закона даже обсуждалась идея формировать Союзное исполнительное вече, которое первоначально обозначалось на старый манер как Президиум Скупщины, по «национальной квоте»⁵⁰. Тогда эта идея не прошла, но примечателен сам факт ее

⁴⁴ Informacija o kandidovanju na zborovima birača i o pojavima u vezi sa kandidovanjem. 25.V–1.VI.1963 // Архив Југославије. Ф. 837. П. II-4-с/16. С. 7–8.

⁴⁵ Izvod iz informacije o kandidovanju na zborovima birača i o pojavima u vezi sa kandidovanjem. 25.V–1.VI.1963 // Ibid. С. 3.

⁴⁶ Zapisnici Politbiroja СК KPS/ZKS, 1945–1954. Ljubljana, 2000. С. 264.

⁴⁷ Zapisnici Politbiroa Centralnog komiteta Komunističke partije Hrvatske. Sv. 2. С. 285, 541.

⁴⁸ Zapisnici Izvršnog komiteta Centralnog komiteta Saveza komunista Hrvatske. Sv. 3. Zagreb, 2008. С. 122–130.

⁴⁹ Конституция и основные законодательные акты ФНРЮ. М., 1956. С. 56.

⁵⁰ Димић Љ. Историја српске државности. Књ. 3. Нови Сад, 2001. С. 357.

обсуждения. Зато в некоторых комитетах Союзной Скупщины уже в конце 1953 г. вводятся квоты на представительство республик, которые были строго определены для 7 комитетов из 17. Это были комитеты веча производителей, куда депутатов делегировали, а не выбирали. К тому же в них была необходимость распределять депутатов, делегированных от сельского хозяйства и промышленности. В комитетах, не отвечавших этим условиям, республиканское представительство могло варьироваться⁵¹.

С начала 1950-х гг. республиканские представители именно в таком качестве вводятся в состав различных партийных и государственных органов союзного уровня. К началу 1960-х гг. в Союзное исполнительное вече (СИВ) Югославии входили в силу занимаемой должности представители исполнительных веч всех республик, а в организационно-политический секретариат ЦК СКЮ — оргсекретари всех республик. Республики были представлены на паритетных началах в различных союзных комитетах и хозяйственных палатах. С подачи Стамболича секретари республиканских ЦК, согласно положению Устава СКЮ, после некоторого сопротивления принятому в 1964 г., стали членами ЦК по должности⁵².

В 1960-х гг. принцип регионального территориального представительства в государственных и партийных органах стал таким неотъемлемым элементом кадровой политики, что в 1972 г. сербским «либералам» пренебрежение к нему вменили в вину среди прочих прегрешений⁵³. Разумеется, мы не хотим сказать, что это был исключительно результат давления снизу для легализации земляческих и других неформальных связей. Эти реформы были обусловлены целым комплексом причин, среди которых давление республик на союзный центр через механизмы неформальных связей выступало лишь одним из факторов. Его эффективность тяжело оценить, поскольку данный фактор обладает природой, трудноуловимой для исследователя.

Однако результаты этих изменений быстро стали очевидны современникам. На расширенном заседании Исполкома ЦК СКЮ в марте 1962 г. Д. Радосавлевич, С. Стефанович-Чеча и И. Гошняк отметили, что СИВ перестало быть единым югославским правительством, поскольку участники заседаний ведут себя как представители республик и отстаивают лишь их интересы. Начало аналогичных тенденций А. Ранкович заметил в руководстве партии: «Многие наши товарищи не ощущают себя членами ЦК СКЮ и не действуют как таковые»⁵⁴. Среди членов СИВ в середине 1960-х гг. только два выходца из Сербии, П. Стамболич и М. Минич, игнорировали земляческие связи, в то время как другие, по свидетельству Д. Стаменковича, всегда выступали в интересах своих республик. Особенно этим прославился в 1970-е гг. Дж. Биедич из Боснии. И еще один штрих к отношениям в СИВ: когда в середине 1960-х гг. в нем председательствовал Стамболич, его заместитель словенец Б. Крайгер часто решал вопросы с Карделем за спиной председателя. Впоследствии так же

⁵¹ Zapisnici Izvršnog komiteta Centralnog komiteta Saveza komunista Hrvatske. Sv. 3. S. 122–130.

⁵² Stenografske beleške sa sednice IK CK SKJ od 6 i 7 jula 1964. godine u Beogradu // Архив Југославије. Ф. 507/III. П. 102. S. 64–67; Početak kraja SFRJ. S. 99; Statut Saveza komunista Jugoslavije // Kongresi naše partije. Beograd, [s. a.]. S. 54.

⁵³ Чкребић Д. Поглед искоса. С. 239, 252.

⁵⁴ Početak kraja SFRJ. S. 104, 179, 182, 228.

поступал С. Доланц. Земляческие связи играли в данном случае более важную роль, чем официальные, формально-должностные⁵⁵.

Подведем итоги. Нам представляется, что важен сам факт обнаружения неформальных связей в социальной жизни партийно-государственной бюрократии и в политической системе югославской федерации. Это новая величина, которую нужно ввести в анализ социально-политических процессов, протекавших в югославском обществе. Собранный материал не позволяет исчерпывающе оценить ее роль (это лишь первое исследование в историографии), но некоторые выводы сделать уже можно.

Во-первых, в 1940–1960-х гг. социокультурные традиции югославского общества и значительное влияние крестьянства на персональный состав партийно-государственного аппарата обусловили существование в нем разнообразных неформальных связей. Преимущественный тип этих связей, отразившийся в источниках, — земляческий. Кроме того, встречаются сведения о неформальных связях именно карьерного или номенклатурного характера, свободных от земляческой составляющей, но для периода 1945–1965 гг. таких случаев пока выявлено немного.

Во-вторых, все выявленные неформальные связи в партийно-государственном аппарате использовались для борьбы за какие-то интересы, чаще всего — для распределения материальных ресурсов. Таким образом, результаты их распределения в 1945–1965 гг. можно правильно объяснить лишь при учете механизма неформальных связей.

В-третьих, неформальные связи могли использоваться двояко: высшие эшелоны партийно-государственной бюрократии могли использовать их для навязывания своих интересов нижним, и наоборот, низовые звенья партийно-государственного аппарата могли использовать неформальные связи для отстаивания своих интересов в отношениях с вышестоящей бюрократией. На протяжении рассматриваемого периода соотношение между описанными способами использования неформальных связей изменилось. Во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг. преобладали случаи давления сверху вниз, а с начала 1950-х гг., после перехода к строительству самоуправленческого социализма, встречался только второй вариант, когда давление шло снизу вверх.

В-четвертых, неформальные связи в партии и государственном аппарате были ориентированы вертикально в соответствии с административно-территориальным устройством Югославии. Нам до сих пор встретился только один пример неформальных связей, пересекающих административные границы, когда в 1948–1949 гг. жена одного офицера, переведенного на службу в Хорватию, писала по знакомству письма члену ЦК КП Словении В. Авбелю с жалобами на беспорядки в работе хорватских парторганизаций, за что и пострадала: ее исключили из партии за клевету на котарский партком Славонской Пожеги⁵⁶. В остальном все случаи неофициального взаимодействия, как свидетельствуют собранные факты, носили вертикальный характер, были строго включены в существующее административно-территориальное и политическое деление, то есть они не пересекали структурных рамок официальных отношений, а функционировали внутри них. По замечанию Дж. М. Истера, когда системы неформальных связей замыкаются в своих регионах,

⁵⁵ Чкребић Д. Поглед искоса. С. 45, 307; *Glišić V. Susreti i razgovori*. S. 99, 155.

⁵⁶ *Zapisnici Politbiroa Centralnog komiteta Komunističke partije Hrvatske*. Sv. 2. S. 93, 106–111, 114.

это затрудняет государственное управление и подрывает единство государства⁵⁷. Для Югославии это очень важное наблюдение, позволяющее вскрыть истоки дезинтеграционных процессов и хорошо ложащееся в гипотезу В. К. Волкова. Очевидно, системы неформальных связей горизонтального характера, пересекающие республиканские границы, в среде партийно-государственной бюрократии Югославии отсутствовали. Это создавало предпосылки для оформления номенклатурных кланов, замкнутых в пределах республик и более мелких территориальных единиц.

В-пятых, изменения в политической системе Югославии, произошедшие в 1950-х гг., способствовали включению механизмов вертикальных земляческих связей в систему официальных связей сперва по государственной линии, а позже и по партийной. Благодаря этому система официальных институтов превращалась в эффективный механизм лоббирования местных интересов, а механизмы неформальных связей частично легализовывались, что ускоряло дезинтеграционные процессы в партийном и государственном аппарате. Разумеется, выстроить полную картину взаимодействия официальных и неформальных отношений в рамках одной статьи невозможно. Степень изученности вопроса такова, что для этого потребовалась бы не журнальная статья, а хотя бы глава в монографии, поэтому представленный материал надлежит воспринимать не как законченную картину, которая исчерпывающе описывает сущностные свойства объекта исследования, а как значимый фрагмент более широкого полотна.

References

- Easter G. M. *Sovetskoe gosudarstvennoe stroitel'stvo. Sistema lichnykh svyazei i samoidentifikatsiia elity v Sovetskoi Rossii*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, 255 p. (In Russian)
- Gabrič A. *Socialistična kulturna revolucija: slovenska kulturna politika 1953–1962*. Ljubljana, Cankarjeva založba, 1995, 373 p.
- Dimich L. *Istorija srpske drzhavnosti*, vol. 3. Novi Sad, Ogranak SANU, Drushtvo istorichara Juzhnobachkog i Sremskog okruga, Beseda, 2001, 472 p. (In Serbian)
- Djordjevich M. *Sedam levih godina*. Beograd, Nash dom, 2000, 520 p. (In Serbian)
- Končar R., Boarov D. *Stevan Doronjski: odbrana autonomiie Voivodine*. Novi Sad, Muzei Voivodine, 2011, 879 p. (In Serbian)
- Kuljić T. *Tito: sociološkoistorijska studija*. Beograd, Institut za političke studije, 1998, 394 p. (In Serbian)
- Lerotić Z. *Jugoslavenska politička klasa i federalizam*. Zagreb, Globus, 1989, 289 p.
- Markovich P. J. *Istorijske (ne)prilike. Iskustva prošlosti u prouchavanju sadashnosti*. Beograd, Institut za savremenu istoriju, Arhipelag, 2018, 384 p. (In Serbian)
- Mujadžević D. *Bakarić. Politička biografija*. Slavonski Brod, Zagreb, Hrvatski institut za povijest, Podružnica za povijest Slavonije, Srijema i Baranje, 2011, 383 p.
- Volkov V. K. *Tragediia Iugoslavii. Novaia i noveishaia istoriia*, 1994, vol. 4, pp. 3–32. (In Russian)
- Volkov V. *Etnonomenklatura i raspad gosudarstva: SSSR i Iugoslaviia. Svobodnaia mysl' — XXI*, 2000, vol. 9, pp. 57–73; vol. 10, pp. 13–24. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 8 ноября 2021 г.

Рекомендована к печати 8 июня 2022 г.

Received: November 8, 2021

Accepted: June 8, 2022

⁵⁷ Истер Дж. М. Советское государственное строительство. С. 29, 202–203.